Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

С. Ф. Васильченко.

РЕЧИ ТИХОГО ДОНА.

Цена 50 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Р., С., Кр. и К. Депутатов. Военный отдел.
МОСКВА — 1919


64818 S

Забыли казаки о своем кормильце.

К вольному донскому казачеству, к угнетенной атаманами, коннозаводчиками, капиталистами да помещиками бедноте, к городским рабочим да к станичному и деревенскому люду веду я свою речь.

Слушай меня, трудовой донской народ!

Я—вольная степная река, кормилец казачества и трудового рабочего люда, тихий и знаменитый всему миру Дон Иванович, батюшка казака-бедняка и хлебороба-крестьянина.

Молчал, терпел я, тысячи лет разливаясь по степям необъятным, по долинам привольным, да, наконец, не в мочь стало мне смотреть на то, что делается теперь на моих глазах, и вот говорю я казакам, говорю слободской и городской бедноте, говорю ополченцам донских войск самозванного атамана Краснова и всем станичникам:

Казаки, вас продажный атаман и народные душегубы втравили в гнусное каиново дело и вы губите сами себя, продаете забеглым московским богачам, заграничным банкирам да сбежавшимся на Дон со всей России царским генералам народную свободу и свою совесть.

Ой, донцы-казаки, потомки ермаковских орлов и сами орлы вольные, неприрученные, степные однесумы-воины, когда-то воевавшие до последней капли крови за народную волюшку-вольную и отстаивавшие бедноту от московских царей, от польских князей и от всероссийских бояр и помещиков,—посмотрите, казаки, что теперь с вами сделалось!

Посмотрите, станичники, оглянитесь кругом себя да подумайте: для того ли прошла слава о вольных донских казаках, чтобы на них кто-нибудь надел ярмо да заставил лизать сапоги у царских генералов, для того ли складывалось войско донское и добрая слава казацкая, чтобы донцы-казаки продавали свою пику немецким и русским генералам или союзвическим банкирам и загоняли своих коней на побегушках у заграничного разбойничьего капитала, или для чего-нибудь другого?

А я, вольная степная река, охранявший все убегавшее ко мне от царского, генеральского и помещичьего гнета казачество—славный заворонежский, закурский Дон, как посмотрю да увижу, что казаки теперешние,—не ермаковские и разинские казаки, степные да низовые, а казаки красновские да деникинские, нанявшиеся на побегушки к генералам,—не только продали свои пики дворянской и денежной знати и не только что коней своих загоняют ради интересов народных насильников, а и сами уже выносят урыльники после генеральских любовниц и поганящих мои берега царских фрейлин, то тесно мне становится, старому степному богатырю, лежать в своем русле и не могу я больше молчать, пока не поздно, хочу я кликнуть клич, кликнуть клич своим детям,—не тем казакам, которые с Красновым и Деникиным душат донскую бедноту и народную свободу, а к тем настоящим казакам, в которых бьется ермаковская вольная кровь,—носят они или не носят лампасы,—тем, которые любят народную волюшку-вольную и не позволят никому командовать над собой и торговать своей кровью.

Эй, орлиная казацкая революционная рать, собирайся отстоять тихий, вольный да непокорный для помещичьей и генеральской своры Дон, не выдайте, хоть вы, орлы революционного трудового народа, своего кормильца-батюшку.

Встань со мною, трудовая казачья беднота и положи конец беспутству самозванных атаманов, холопов капитала превращающих и меня, вольного богатыря, в холопа заграничных банкиров!

Тяжко, скорбно мне, старому богатырю, катить теперь на полтысячи верст свои буруны мутные и говорить свои речи гневные, но буду говорить я и буду бурлить ими, пока не разверзнется земля подо мною, потому что творится от имени казаков в красновских и деникинских бандах офицерами такое безумное, кровавое дело, которого не должен потерпеть ни один трудовой казак, никакая живая душа человеческая.

Кровавый пир богачей происходит тут и предательство интересов трудового народа.

Разоряется край, ограбляется народ, гибнет воля казачества Казаки об этом не думают.

Казаки-богатеи, вскормленные моими речными и степными благами, разбогатели на привольи моих полей и степей, они зазнались, забыли обо мне и не только не думают уже о казачьей воле и трудовом народе, а вместе с атаманами, коннозаводчиками и царскими генералами зовут то немецкие, то союзнические—англо-французские войска, чтобы вместе с ними бедноту ограбить, уничтожить, навек закабалить.

А, между тем, для того я и вольная река, для того и богаты мои степи, чтобы здесь вольно жилось всем, кто сюда ни придет, для того, чтобы всем можно было прокормиться, кто здесь ни поселится.

Казаки белого стана самозванных атаманов об этом не думают.

Спускался ли ты, потомок степных старинных орлов, вольный казак, на смоляных каюках или на просторных острогрудых дубах по моему течению хоть от Калача до Азова? Или скакал ли ты верхом по моим степям от Аксая и Крикянки до Кагальника? Переплывал ли когда-нибудь Сал, Хопер, Донец или хотя бы Шулек, забрасывая волокуши, чтобы наловить рыбы? Окапывал ли поверх гниловских или синявских балок токи, чтобы вымолачивать на них урожаи моих полей? Разводил ли коней, чтобы были у тебя товарищи в беде и несчастии? Холил ли, кормил ли коров в своем хозяйстве, садил ли жерделы и виноградники для того, чтобы казачка-хозяйка в праздник могла не только тебя, а и твоего гостя накормить каймаком, напоить собственным вином?

Все это ты делал, казак. А если делал, то и сообрази теперь, кому пошло в пользу твое добро, куда оно делось после того, как ты забыл о вольной-волюшке своего Дона и продался немецким генералам, закабалился коннозаводчикам-помещикам, пошел за атаманом Красновым?

Подумай об этом хорошенько, казак!

Донской край разграблен.

Хороши, богаты Приазовские степи, по которым катятся мои седые мутные воды. Плодородны и жирны земли донские. Много рыбы из моих глубин вытаскивают сотни казачьих волокуш. Такая сочная трава растет на лугах у моих берегов, что от нее коровы не молоко дают, а одни сливки. Приходи, кто хочет, на Дон, потрудись

только по-человечески немного—и старый хрыч, тихий Дон Иванович накормит и напоит всякого труженика.

Так и было тысячи лет по всей области. Сбегалась на Дон беднота со всех сторон от гнета царей и помещиков и не только кормилась сама, а выкармливала на свою голову еще и богатеев разных, да казачьих дворян-помещиков, да зазнавшихся коннозаводчиков, да миллионеров-капиталистов и промышленников.

Жили калмыки в улусах Донской области, разводя целые табуны скакунов и гурты шпанской овцы,—такой, что больше нигде и не найдешь подобной. Жили хохлы-землеробы—тоже никому не мешали. Приходили сюда со всех губерний рабочие на заработки. Выросли в области целые города с сотнями тысяч людей. И всем хватало, всем хорошо жилось на Дону, пока не подбил холоп международного капитала, генерал Краснов, половину казачества против всего русского народа. Там, в России, народ установил народную советскую власть. Там он у себя разогнал всех помещиков и отобрал у них земли, там он упразднил навсегда капиталистов-богачей и отобрал у них фабрики, там он ниспроверг царя и сбросил с своей шеи генералов, которые умели только на царских крестинах подносить во-время царским младенцам пеленки, да тереться возле хвостов у разных принцесс, а когда дело дошло до войны, то они ни на что другое не оказались способными, как только вести и вести на убой миллионными рядами пушечное мясо—солдат.

Теперь их русский народ разогнал, и вся эта прожорливая саранча, способная только дармоедствовать да от злости на революционную Россию брызгать слюной и ради борьбы с нею швырять деньги направо и налево, собралась в Донской области.

Генералов, душегубствовавших над трудовым русским народом, в России начали хватать и предавать народному суду. Тогда они, переодевшись, кто как мог, бросились к первым поездам, и кто на буферах, кто прячась от народа и солдат в уборных и нужниках, приехали спасаться на Дон.

У буржуазии народ начал отбирать заводы и капиталы.

Тогда эксплоататоры и пауки трудового народа, заделав, кто в ящик с мылом, кто в мешок с рухлядью свои драгоценности, пустились искать такого угла, где бы их не нашла рабоче-крестьянская советская власть, и приехали спасаться тоже на Дон.

Сюда же съехались попы, веками морочившие святостью народ, а сами натишком снимавшиеся с проститутками на карточках.

Сюда же слеталась свора бюрократов, безработных жандармов, выгнанных офицеров, аристократических последышей.

И вот паразитическое дармоедническое население в Ростове, Новочеркасске, Таганроге и даже Азове удвоилось и утроилось.

Разбежалось зато от карательных экспедиций трудовое население рудников и заводов.

Но вся слетевшаяся на Дон саранча,—мало того, что она начала жать там, где она не сеяла: она, кроме того, еще хотела воевать с прогнавшим ее от себя народом России. Вся она кипела местью, вся она тряслась от злости и искала себе войск. И вот тут Краснов заявил, что за помещиков, генералов и богачей вступятся казаки, что они пойдут усмирять рабоче-крестьянскую Россию, пойдут душить вольную-волю русского народа, только бы не дать большевикам разогнать дармоеднические банды саранчи на Дону.

Казаки поверили Краснову, будто большевики идут против них, будто они хотят отнять казачью землю и уничтожить казачество, и вот, началась кровавая война.

Против России пошли обманутые казаки, банды офицеров, ни к чему не способный сброд забеглых маменькиных и папенькиных сынков, а против казаков пошла вся рабоче-крестьянская Россия.

Когда же Краснов и заправилы дармоеднической компании увидели, что рабочие и крестьяне своей свободы даром не уступят и собираются от контр-революционного гнезда помещичьих и атаманских банд оставить одно мокрое место, то для своего спасения позвали немецких империалистов.

Немецкие разбойники пришли. Контр-революция своего добилась: саранча дармоедов была спасена, пока были немцы. Но дорого взяли немецкие империалисты за это спасение с трудовой донской бедноты.

Они ее ограбили д ниточки и не оставили у бедноты даже рогожи.

Вот как одурманил, спутал и до чего довел край продавшийся богачам атаман Иуда Краснов.

Хорошо жилось и калмыкам, и хохлам, и всему пришлому населению в Донской области.

Но уже от одного того только, что понаехало дармоедов в область несколько сот тысяч, начавших обжирать Дон, стало плохо. А это были только цветики, ягодки же были впереди.

Ягодки появились тогда, когда стоном-застонал край от пришедших немецких командиров с войсками.

Немецких солдат в июне месяце в одном Таганроге было 40 тысяч человек.

А, кроме Таганрога, они еще были в Ростове, в Азове, в Калитве, в Александро-Грушевске, в Каменской, в ряде других станиц. А всего их было не меньше ста тысяч.

Если бы 100 тысяч человек вместе с сбежавшейся на Дон саранчой дармоедов, ничего не делая, только истребляли то, что приготовила для себя трудовая беднота, то и тогда бедноте только пришлось бы кряхтеть да волком-выть оттого, как ее обжирают. Но сто тысяч германского войска не теряли даром времени, а творили волю германских империалистов и по приказу своих командиров занимались грабежом трудовой бедноты. Они начали вывозить в Германию все, что могло пригодиться для заводов германских капиталистов или для продовольствия Германии.

Так были вывезены металлы, сколько их ни нашли немцы.

Так был вывезен хлопок и кожа из Ростова и Нахичевани.

Потом были вывезены жиры.

Весь хлеб, какой немцам удалось разыскать в станицах и деревнях.

Даже скот и с... собрали немецкие генералы для вывоза в Германию и оставили население области в некоторых местах и голым, и босым, и голодным.

Сами казаки ужаснулись того, что они наделали, заключив союз с немецкими империалистами, но до того одурманил их Краснов и контр-революционные заправилы, звавшие казаков на борьбу с большевиками, что казаки и тут еще не поняли проклятой механики народных ворогов, а продолжали служить и угождать им, думая, что виноваты во всем красные.

Привольный донской край сделался нищим, его начисто обобрали враги трудового донского и всероссийского народа.

Каиново дело.

Из года в год выливаясь я из берегов, разливаясь по полям, по степям приазовским и аксайским, удабривая землю таким илом, на котором растет не то что трава, а сахар в каждой былинке чакана и брага в каждой ягодке ежевики, пшеница же сама сыпется из

колоса. И тружусь я веками для тружеников, и забочусь я о бедноте, которая стекается в мои края добыть себе трудом хлеб свой насущный, да ищет себе на Дону народной волюшки-вольной.

Получили вместо этого волю на Дону угнетатели народные, холопы царские, любовницы офицерские, племя эксплоататорское капиталистов, помещиков да знати столичной.

Сели они на широкую спину казацкую, ездят на трудовом казаке, обжирают мои богатства привольные.

А мои степные орлы, дети мои—казаки—превратились в наемников богачей, делают каиново дело и истребляют своих же братьев-орлов, лучших непокорных героев донских, степных рыцарей.

Эй, казаки, казаки, красновские, щербачевские, деникинские да калединские наймиты, что вы сделали с моими орлами-героями, лучшими вашими урядниками-революционерами: Подтелковым, Кривошлыковым, Извариным, Мурыхиным, Алаевым и Лагутиным, когда они пошли на Хопер и Медведицу, чтобы клич-кликнуть трудовой донской бедноте и собрать ее против богачей, против немецких генералов, да против царских холопов Щербачева и Краснова, вводивших на Дон немецких разбойников, душителей свободы?

Вы, казаки, вместо того, чтобы прислушаться к клекоту своих степных орлов, молодых да отважных, заявили, что это «большевики», окружили их, стали предательски с ними христосоваться, уговорили сдать оружие, а потом заставили их самих вырыть себе могилы, да всех восемьдесят два человека и уничтожили.

Разойдитесь седыми гребнями, мои буруны, прокатитесь от Калача до азовских гирл и Черного моря и прогремите всем станицам казачьим, хуторам и всем слободам, что были эти братоубийцы, намыливавшие под предводительством Каина Спиридонова для своих братьев, революционных орлов-казаков, веревку,—не казаки, а освирепелые звери-богатеи, от которых трудовое казачество и памяти не должно оставить во всем донском крае.

А ты, смутный низовой ветер, подуй с Аксая и Кривянки вверх по Хопру и Медведице, докатись, донесись до братской казачьей могилы в хуторах Краснокутской станицы, обвей своей лаской сырую землю, в которой лежат герои-казаки, предательски убитые руками душегубов, наймитов капитала, и скажи им, что тихий Дон никогда не забудет их славной смерти, их революционной заслуги перед донской беднотой. Вечная память казакам, убитым своими братьями за то, что они были казаками-большевиками, казаками-революционерами!

Но не одно краснокутское злодеяние тяжелым камнем ляжет на черную совесть тех казаков, которые переметнулись на сторону врагов трудового народа, врагов вольной казачьей волюшки, а и все другие безумства, все другие злодеяния, совершившиеся по их вине над трудовой донской беднотой, искавшей на Дону справедливости и возможности трудового существования.

Лягут на их черную совесть проклятые каиновы дела, которые казаки делали сообща с немцами, когда они разоряли рудники и разгоняли шахтеров-большевиков, расстреливая и вешая их целыми сотнями.

Для того ли они сошлись на Дон, для того ли зарылись в землю, выцарапывали из земных недр, выбрасывая на поверхность земли горы угля, чтобы заявился самозванный атаман с немецкими разбойниками и начал разорять их очаги, превращать в сирот их семьи и расстреливать их самих? А ведь их вырезали офицерско-кадетские и немецко-белогвардейские банды, приведенные Красновым, в некоторых местах поголовно.

Ой, никогда, никогда, даже в царские времена, даже при порядках вешателя—Столыпина —а уже не говоря о прежних вольных вре-

менах,—не было на Дону так, чтобы казаки, защитники воли и угнетенных тружеников, позволяли глумиться над рабочей беднотой.

А когда Краснов, коннозаводчики и сбежавшиеся сюда московские капиталисты обманули казаков, то казаки позволили делать все, что угодно, над нею, и вот разнуздалась, расплясалась панская банда богачей, помещиков да генералов так, что за два, за три месяца от всего Донецкого угольного района они оставили одно пепелище, а с рабочими чего-чего только не делала их звериная свора.

Вина за их дела падает на вас, вольных казаков, не отстоявших бедноты, а перекинувшихся на сторону душегубов народных. Беднота думала, что трудовое казачество ее защитит, а казаки ее предали богатеям и сами записались в душегубы, да стали творить неслыханные дела.

Неслыханные дела стали творить казаки, потому что когда же кто-нибудь слышал, чтобы с Дона двигались вагоны, нагруженные трупами умерших от голода людей?

А в мае месяце прошлого года пришло на Украину с Дона несколько вагонов с умершими от голода сулинскими и александро-грушевскими рабочими. Их заставили сдаться, отобрали оружие, заперли в вагоны, довезли до Таганрога, ничего не давая есть, отмахиваясь от их просьб и требований, а потом забыли про них и вагоны были отправлены на Украину, где при вскрытии вагонов нашли только разложившиеся тела.

Позор, позор казакам-красновцам, допустившим такое истребление бедноты, такой зверский разгул богачей-капиталистов на Дону, во имя которых усмирились рабочие.

Но нет, не одни безумные, обманутые Красновым казаки чинят эти зверства, а делают это, главным образом, офицерские, белогвардейские банды. Это они в Платовской станице в пьяном изуверстве изнасиловали всех без разбора девушек, а молодежь перерубили. Это они вместе с икаевскими ингушами завалили Балабановскую рощу Ростова трупами рабочих и работниц, не разбирая ни пола, ни возраста. Это они, взяв в плен красноармейцев, обрубывают у них уши, носы и вырезают языки, а потом, перебив их, сколько ни захватят в плен, даже не закопают как следует в яму, а оставляют торчащими из земли руки и ноги.

Зверствуют белогвардейские наймиты капитала над трудовой беднотой Дона, топчут казачью донскую вольность, топчут ее и смеются над славным казачеством: вот как беспросветно можно обмануть и дешево купить его,—у него спина широкая, пика длинная, да голова бузиной набитая.

Бейся, казак, за интересы душегубов народных, иди, пропадай на фронте, борясь с твоими братьями-большевиками, продай Дон помещикам, продай его вольность немецким генералам и русской офицерской белой гвардии. Он ничего не будет знать, ничего не скажет, хоть пускай оплюют его богачи всего мира, хоть харкнет в него кровью вся беднота донская.

Эх, забыли казаки заветы ермаковско-разинской вольности.

Чем обманул казаков Краснов.

В апреле месяце прошлого года начался бой возле Новочеркасска между красногвардейцами и офицерскими бандами. Офицерский белогвардейский отряд укрепился в Кривянской станице и тогда красногвардейцы зажгли ее снарядами.

В это же время другие красногвардейские отряды проходили другие станицы и, где проходили, там не удерживались оттого, чтобы не обижать население.

Это были не большевистские войска, а самочинные отряды бандитов, которые не разбирали, за Советы ли стоит население или против Советов, и сегодня дрались с казаками, а на завтра восставали против Советской власти. Они только порочили славное звание революционных войск, и когда Советская власть узнала, как они безчинствуют, то первой же своей задачей поставила обезоружение этих отрядов и предание их главарей суду за мародерство и контр-революционность.

По всей линии железной дороги от Ростова до Царицына эти отряды стали обезоруживаться, а некоторые и расстреливаться.

Так были уничтожены отряды Петренко, херсонской анархистки Маруси Никифоровой, грабительская сотня Гурьева, конно-пехотный отряд матроса Жукова и целый ряд других.

Но пламенем того пожара, который зажгли в Кривянке, присвоив себе название красногвардейцев, бандиты, и передававшейся из уст в уста молвой о красногвардейских грабежах воспользовался Краснов, чтобы натравить казачество против большевиков и Советской власти.

Слетевшаяся на Дон саранча клевретов буржуазии и холопы помещичье-царского порядка завопили на все лады, затрубили во все трубы, забили во все барабаны, зазвонили во все колокола о том, *что большевики хотят уничтожить казачество, о том, что Советская власть отдает на разграбление Дон.*

Это была первая гнусная ложь на большевиков и Советскую власть, не хуже той, которую сочинила провокаторская буржуазия, когда она обвиняла большевиков, будто они подкуплены немцами. Но казакам, которые еще не забыли обид, причиненных им самочинными отрядами банд, легко было этой офицерско-атаманской лжи поверить и они ей поверили. С этой поры они стали врагами Советской власти, хотя она всячески отстаивала интересы трудового казачества и его волю от нашествия немцев и капиталистических дармоедов.

Но Краснову и капиталистам мало показалось одной лжи на большевиков, они стали распространять и другую: *будто большевики у казаков хотят отобрать землю.*

Они при этом не говорили, что большевики предлагают трудовым казакам отобрать землю самим у таких коннозаводчиков, как Денисов с двенадцатью тысячами десятин земли, или как миллионер Супрунов, у которого возле Великокняжеской богатейшая экономия, а в Ростове мельницы и дома, или как Фетисов и Греков, у которых в разных местах целые владения, а они распространяли ложь, будто большевики хотят и трудовое казачество лишить земли.

Казаки которые, благодаря мятежу Каледина, не успели даже посмотреть на Советскую власть, хотя она в России в это время уже укрепилась, поверили, будто большевикам для чего-то нужно истребление шести миллионов вольного трудового населения и разорение бедноты, и не только пошли за Красновым, за генералами и капиталистами-эксплоататорами, а даже пустили на Дон немецких империалистов лишь бы не дать установиться Советской власти на Дону,— они поддались и второму обману богачей.

И третью ложь распространил Краснов с хищной буржуазией,— *будто большевики искореняют православную веру и не дают верующим людям по-старому молиться.*

А большевики с самого начала все меры приложили к тому чтобы, кто какой вере предан, такую бы и исповедывал. Но без принуждения только, без палки, без поповского дармоедства на казенный счет, а на вольное приношение тех кто по своей вере молится.

Казаки не видели, какую свободу религий допускает Советская власть России, и поверили народным ворогам будто большевики искореняют православную веру.

Но еще более предательский обман против трудового казачества, которое за все отдувается, задумал Краснов, а казаки и этому атаманскому обману верят.

Краснов все меры принимает к тому, чтобы казаки думали, будто они только и делают, что отстаивают Дон от большевиков, а в самом деле Краснов спит и во сне видит, *как бы ему с Деникиным, а если не с Деникиным и деникинскими офицерами, то с немецкими генералами, а если не с немецкими генералами, то с союзническими англо-французскими войсками добраться до Москвы да посадить на трон какого-нибудь Николая Николаевича, тоже на буферах и в уборной вагона приехавшего из Крыма.* Ему все одно даже, кто это будет, лишь бы был палач и тиран для всего русского трудового народа, а для капиталистов и помещиков—коронованный защитник.

Вот какую подлую штуку задумал Краснов и вот для чего он заключает союз и сговаривается и с деникинским офицерством, и с немецкими генералами, и с союзническими англо-французскими капиталистами.

А казаки думают, что они мобилизуются на фронт, чтобы отстоять от большевиков свою вольность, а льют за помещичье-генеральские интересы кровь. Того они не знают, что с большевиками да с Советской властью они только и спасут свою вольность от прожорливой саранчи капиталистических дармоедов, да самозванных атаманов-мясщиков, строющих казачеству козни, губящих его войско вольное.

Безумные, слепые люди, верящие своим душегубам, поймите же, наконец, донские казаки, с кем вы идете и за кого умираете!

Правда Красного Дона.

Налгала белая гвардия помещиков и капиталистов, говоря, будто Советская власть преследует православную веру. Оклеветали они большевиков, говоря, будто большевики-коммунисты являются грабителями, сражающимися против мирного населения. Этой вымысел сочиняют на красных революционеров коннозаводчики-богатеи, когда говорят, что революционеры хотят уничтожить донскую казачью вольность и отобрать у казачества землю.

Я, вольная степная река, не могу позволить больше клеветать на красных орлов всенародной рабоче-крестьянской и казачьей свободы и вступаюсь за оплеванную и осмеянную богатеями и самозванным атаманом правду.

Пускай мои буруны шумят о том, чего хочет в самом деле Советская власть. Пускай высокие зеленые камыши на моих берегах шелестят каждому проходящему возле них казаку, кто такие большевики. Пускай низовой степной ветер разнесет весть о том, против кого идут красные.

Советская власть хочет, чтобы и трудовое донское казачество было таким же вольным, как теперь вся рабоче-крестьянская беднота России.

И прежде всего она хочет, чтобы на широкой казацкой спине не сидел коннозаводчик-помещик, не катался капиталист-грабитель, не ездили верхом атаманы, генералы, да разные князья и графы заб еглые.

Подумай, казак, как тяжело степному вольному Дону выносить бесчестье вражеского ига. А я то и дело теперь вижу, как то пройдут несколько казаков и в струнку вытягиваются перед маменькиным сынком русским или даже немецким офицером, то русские генералы командуют отрядом орлов-станичников и ругают их отборной руганью, понося их, как своих лакеев, то, наконец, вижу, как казачек

и слободских девушек-хохлушек, прикрываясь именем казаков, насилуют ингуши кавказские и доброво́льцы деникинские.

Лучше бы мне, старому Дону, не знать доброй казацкой славы и лежать своим руслом где-нибудь в Сибири, чем видеть, как казаки-орлы допустили белогвардейских офицеров помыкать собой и насильничать всю бедноту донскую. А с той поры, как водворился Краснов на Дону, насилье и гнет над трудовым народом не прекращаются, а все больше и больше увеличиваются.

Перво-наперво, что сделал Краснов, когда заключил союз с германскими командирами,—*это возвратил выгнанных с Дона помещиков и дал им власть закабалять бедноту.*

Возвратились в свои имения и владения Фетисовы, Парамоновы, Супруновы и Грековы и начали расправу над беднотой.

Второе, что он сделал,—*это превратил работу на фабриках, заводах и рудниках опять в прежнюю капиталистическую каторгу.*

Третье—*дал волю немцам производить свой грабеж.*

И четвертое—*старых и малых, всех, кто мог носить оружие, да благодаря своей беззащитности не мог оказаться в тылу возле атаманских прихлебателей, поставил на фронт, посадил на коней и более полуголыми разутыми и раздетыми заставляет драться против своих же братьев-казаков и красноармейцев, защищающих народную волю.*

Делает ли что-нибудь подобное Советская власть?

Хочет ли она, как Краснов, насильничать?

Нет, рабоче-крестьянская Советская власть России хочет, чтобы трудовое казачество само управляло собой вместе со всем трудовым народом и для этого создавало свои советы.

Вот, что сказано в декрете российской Советской власти о казачьей вольности:

«Трудовому казачеству, совместно и на равных правах с проживающими на казачьих землях трудовым крестьянством и рабочими, предоставляется право организации Советской власти».

Для этого трудовые казаки, по закону рабоче-крестьянского правительства России, устраивают советы *войсковые или областные, районные или окружные, станичные или поселковые.*

Этим советам принадлежит на месте вся власть, и, что они решат, то и свято для всей бедноты, входящей в советы.

Но этого мало, нужно, чтобы и в центральном правительстве слышен был голос трудового казачества. И вот что говорит об этом закон Советской России:

«Для согласования работы и разрешения обще-краевых и государственных вопросов войсковые советы казачьих и крестьянских депутатов имеют представительство в краевых советских об'единениях и во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов».

И дальше говорится, что во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет входят от трудового казачества Донской области четыре представителя, от Кубанской области—четыре представителя, от Оренбургского войска—два представителя, от терского, сибирского, забайкальского, амурского, уссурийского, уральского, астраханского, семиреченского, енисейского и иркутского войск—по одному представителю.

Эти представители трудового казачества образуют при Центральном Исполнительном Комитете *казачью секцию*, которая посылает своих членов во все народные комиссариаты для разрешения вопросов, касающихся казачьих областей и войск, так, *что ни одно изменение казачьей жизни не может быть произведено без обсуждения его представителями от казаков.*

А белая гвардия клевещет, будто большевики хотят уничтожить казачью вольность и истребить казаков. Лгуны, делающие гнусное

дело, они только клеветой и могут поднять казачество против большевиков, поэтому и выдумывают свои подлые измышления.

Так обстоит дело с казачьей властью и волей, которую будто бы хочет уничтожить Советская власть России. Ну, а что хотят большевики сделать с казачьими землями? Неужели отобрать их у казачьей бедноты?

По этому поводу вот что сказано в декрете всероссийского рабоче-крестьянского правительства:

«Земли, находящиеся во владении казачьих войск, должны остаться в пользовании трудящихся, особо проживающих на войсковых территориях, занимающихся сельским хозяйством лиц и общин по нормам, указанным в законе». (О социализации земли,—т.-е. по трудовым справедливым нормам.)

Вот что сказано в большевистском законе о казачьей земле. Если, следовательно, казак имеет прокармливающий его пай, да сам или силами своей семьи обрабатывает его, то его земли не только никто пальцем не тронет, а наоборот, закон еще будет от кого-угодно его землю защищать. Так заботится Советская власть о землях трудовых казаков. Зато вот что говорит тот же декрет о землях помещичьих, войсковых, офицерских и поповских, если попы себе земли напахали,—о них Советский закон говорит:

«Войсковые запасные земли и бывшие частно-владельческие, офицерские, церковные и прочие участки поступают в ведение войсковых земельных комитетов и передаются ими для распределения между нуждающимися в земле соответствующими земельными комитетами».

Вот, значит, у кого отбираются земли: у коннозаводчиков, офицеров да попов, а передаются они тем, кто в земле нуждается, войсковыми земельными комитетами.

Похоже это на то, что большевики хотят от трудового казачества отнять землю? Нет, не похоже, но белогвардейской и офицерской компании советский декрет выгодно было утаить, а вместо этого налгать на большевиков.

Но это о земле. А как относятся большевики к самому казачьему войску? И об этом Советская власть с самого же начала подумала. В то время, когда составлялся декрет, как раз производилась демобилизация, и вот что сказано в декрете:

«В демобилизованных казачьих частях, казакам, имеющим право на возмещение убытков за утраченное на войне обмундирование и снаряжение, а также и за павших не по вине владельцев собственных лошадей, выдается соответствующее денежное вознаграждение».

О Красной Армии казачьего войска говорится:

«Содержание действующих и учебных частей войск, а также органов военного самоуправления для поддержания частей в готовности и расходы по учету военнообязанных, формирование частей в мирное и военное время производится за счет общегосударственных средств, равно же и вся материальная часть... Казаки при желании могут являться на службу со своим снаряжением, установленным обмундированием и конями, стоимость которых, при соответствующей оценке, подлежит возмещению».

Вот как относится Советская власть к самому казачьему войску и заботится, чтобы мобилизация его хозяйства не разоряла, а казачье войско Красной Армии не превращало в оборванную банду. Советская власть знает, что если трудовому казачеству рассказать всю правду, да открыть его глаза на гнусную ложь его атаманов, то само же казачество с ним и расправится так, что от них не останется и памяти. А еще трудовых казаков натравляют на большевиков, заставляют воевать против красных революционных армий. Поймите, казаки, кто ваш враг, и сообразите, наконец, что вам надо делать. Пришла пора понять это, потому что, когда стали уходить с Дона немцы, когда заколебалась кровавая власть Краснова, лишаю-

щегося помощи своих союзников, немецких империалистов, то задумал он еще более подлую штуку и собирается теперь совсем погубить и Дон, и донское казачество. Готовьтесь, казаки, к новой напасти.

Что еще задумал Краснов.

Не одни донские помещики-коннозаводчики, да московские капиталисты и царские генералы не могут вынести Советскую власть в России—ненавидят вольные порядки Российской рабоче-крестьянской Республики и во всем мире богачи, банкиры, да народные угнетатели. Им, народным ворогам, и в Англии, и во Франции, и даже в Америке страшно, как бы социалистическое равенство не начали рабочие по примеру России во всем мире устраивать. Для этого они и загораживают войсками от своих рабочих Социалистическую Советскую Россию. Не удалось немецким генералам оградить Германию от Социалистической России, вспыхнула там революция, пришлось немецким командирам свои войска уводить домой с Дона и с Украины. Германскому кайзеру Вильгельму и его кронпринцу пришлось убежать из Германии. Знают англо-французские да американские угнетатели, что произойдет то же самое и с ними, если они не поспешат задушить Россию. Вот и стали они готовиться к этому. Краснов же узнал про это да увидел, что на немцев с той поры, как разразилась в самой Германии революция, надежда плохая, и стал сговариваться с союзниками.

Избавилось казачество от того ига, которое принесли с собой немецкие командиры, теперь Краснов хочет взвалить на плечи казаков еще горшее иго и ввести на Дон союзников—англичан и французов.

Краснов о трудовом казачестве и разоренной бедноте Дона не думает, ему лишь бы правдами и неправдами добраться как-нибудь до Москвы. А на то не обращает внимания, что покамест он доберется до Воронежа, так казачество даже застонет под ногами союзнического войска.

И немцы, когда приходили на Дон, так казалось, что будто бы лучших друзей у казаков никогда не было. Краснов в первом же своем приказе всем объявил, что немцы—казакам друзья и что цели у казаков и немецких генералов одинаковые, а потом эти «друзья» так обобрали казачество, что «дружбы» этой донская беднота не забудет вовек.

Так было с немцами. А с союзниками будет еще хуже, потому что союзники пришлют для борьбы с большевиками на Дон не сто тысяч войска, как немцы, а полумиллионную рать. И постараются они прислать не своих рабочих-солдат, которые против своих же командиров могут поднять оружие после первой встречи с большевиками, а безобразящих всюду азиатских и африканских дикарей, цветнокожих, которые для разбойничьего дела капиталистами специально в Азии и Африке набираются.

Вот какое испытание готовит еще Краснов донской бедноте, а казаки ждут союзников и думают, что союзники помогут им победить большевиков.

Нет, не победят большевиков теперь никакие черные силы международного разбойничьего капитала, потому что большевики теперь организовали такую мощную, Красную Армию, которая до одного человека ляжет в бою, а свободы своей не уступит. Не победят потому, что появляются большевистские силы теперь всюду, даже там, где их не ожидали прежде.

Охватывает зараза большевизма страны союзников и не успеют они притти для усмирения русских большевиков, как у них в тылу свои собственные большевики заставят их вести свои войска назад.

как это уже случилось с немцами. А трудовые донские казаки, еще раз разграбленные, еще раз ограбленные, опять останутся ни при чем и опять будут воевать с большевиками, пока не перейдут все на их сторону и не разделаются со своими атаманами.

Вот в чем суть и вот чего больше всего боятся Краснов, московские капиталисты, царские генералы, да все их приспешники. Распространился теперь красный большевизм воли трудового народа. Загорелся пожаром борьбы за народную волю, за Советскую власть весь мир, стало ясно хищникам-разбойникам русским, немецким, английским, французским, японским и американским, что приходит им конец, что спешить им нужно, не откладывая своего похода на Россию, пока и у них Советская власть не придушила их к земле. А так как самим им до России добраться далеко, то хотят они выехать на широкой казацкой спине, потому что считают казаков уже с николаевских времен за проданное плечо усмирителей народной свободы. Только для того им казаки и дались, чтобы, если где нужно задавить волю народную, обращаться к донским атаманам, а уж они капиталистов-банкиров да всяких народных угнетателей выручат.

Эх, разойдитесь же вы, седые, мутные буруны азовских вод, и течения верхнего, ударьте по берегам к казачьим станицам, подуй, засвисти низовой ветер, подыми полки донской вольницы, курени, хутора да юрты казачьи и хаты деревенские против своры богачей всемирных, против шайки разбойников империалистских, разнесите их нечистую силу с лица земли терпеливой,—для этого зовут бедноту на восстание большевики-коммунисты красные, для этого разливаюсь и, река степная, Дон Иванович

Слово о казачках.

Гуляет-свистит степной ветер по станицам, хуторам да куреням. Гомонит в хатах, а где и на улицах добрый народ, справляя праздники или занимаясь хозяйством. Одной казачке, проводившей мужа, сына или любимого человека на фронт, праздник не в праздник, хозяйство не в хозяйство, работа не в работу.

У нее своя думка на душе и не знает она, как от нее отделаться.

Плохо казачке стало, как начали новочеркасские атаманы, да московские хищники-дармоеды свое кровавое дело. Им, народным угнетателям, надо итти на Москву, большевиков побеждать там.

А трудовой казак-бедняк и казачка из-за этого должны переносить страданья и маяться.

Он на фронте, жертвуя свою жизнь в угоду русским и иностранным богачам.

Она дома, спасая разоряющееся хозяйство.

Но, как казачка-труженица ни старается сохранить хозяйство, прока никакого нет, потому что с'едает бунт станичных богатеев все что еще не выкачали из бедноты банды немецких империалистов все, что еще не пришло в такую ветхость, что и смотреть у не стыдно.

Односумка казака-воина, казачка-хозяйка и за двором все время войны смотрела, и в степи работала, и все свои достатки по двадцать раз пересчитывала, и коров каждый вечер чуть в постель своими руками спать не укладывала,—дома становится, несмотря на это, все хуже и хуже.

Дома накопились целыми фунтами бумажные деньги, за которые уже и сегодня купить ничего нельзя, а про завтра и говорить нечего.

И так во всей области и это со всей беднотой происходит на Дону.

Атаманы же самозванные да денежные тузы и эксплоататоры всяческие катаются, как сыр в масле, на разорении народном, для

нищающей же бедноты выдумали только одно средство спасения от всех бед—водку проклятую: пейте, казаки, продавайте совесть богачам, и поменьше думайте о семье и хозяйстве своем.

Казаки пьют, Советской власти не допускается на Дону, а между тем, Советская власть только и может еще спасти бедноту донскую, трудовое казачество и все угнетенные произволом атаманов и богачей слои населения.

Но знают душегубы народные, что при восстановлении Советской власти в станицах, деревнях, хуторах и городах Донской области не сдобровать им от справедливого гнева измученного народа. Поэтому и напрягают они все свои силы, чтобы не дать победить большевикам.

Трудовой же бедноте казачьей, крестьянской и рабочей из-за того, что продажному атаману да гнезду богачей, собравшихся на Дону, не хочется под расстрел итти и сесть всей компанией под суд, за то, что они втравили на бунт казачество, приходится разоряться и маяться.

Нет, не может это продолжаться больше и восстановятся опять советы на Дону.

Советская власть означает об'единение всех трудящихся в одну братскую семью. Всякий бедняк, трудом добывающий себе хлеб, всякий землероб-крестьянин и не имеющий средств чернорабочий соединяются через Советскую власть для того, чтобы не только не дать богачам обирать себя, а даже у них отобрать, что они награбили, в общее пользование всех трудящихся. Отобрать у богачей землю, отобрать у них мельницы, благодаря которым закабаляется и обирается беднота, отобрать экономии, барские поместья и отдать все это на пользу бедноте казачьей, крестьянской и рабочей.

Советская власть не идет грабить бедняка, кто бы он ни был: казак, или хохол, или калмык.

Советская власть только говорит богачам: отдайте назад бедноте, дармоеды, кровососы народные, что вы у нее награбили.

За труженика же и за трудового хозяина Советская власть вступается—трудовой семье рабочих, казаков и крестьян нужно счастливое человечество.

Вот почему, когда где-нибудь Советская власть вводится, то она у богачей отбирает капиталы, у помещиков—землю, а у трудового населения не отбирает ни щепки из имущества, а говорит: если у вас в хозяйстве есть излишки продуктов, давайте их в город, взамен Советская власть даст вам городские изделия.

Поступают ли так новочеркасские заправилы бунта против Советской власти?

Нет, они приводят немцев и впускают дармоедов разных, которые до ниточки разоряют население области.

Обсуди же, казак и казачка, и скажи, что тебе наврали про большевиков, защитников бедноты и обманутого люда, скажи, что ты стоишь за Советскую власть. Требуй введения Советов на Дону.

Последний завет.

Кончается моя речь ко всему донскому трудовому казачеству. Последнее слово говорю я своим детям.

Сыны, мои сыны, орлы степные, казаки вольные. Вас я зову на казачье дело доброе, вам делаю свой завет великий.

Вставайте, казаки, на борьбу со своими угнетателями!

Соберите вы рать рабочую-заводскую, соберите хлеборобов-злобожан деревень донских, соединитесь с ними в одну великую вольную армию красную, скажите самозванным атаманам, что не дадите им распоряжаться своей волюшкой-вольною, разгоните вы гнезда осиные-

смевные забеглой знати московской, собравшейся в Ростове да Новочеркасске, скажите всему миру, что вы с большевиками идете отстаивать народное дело правое, дело всей угнетенной бедноты человеческой.

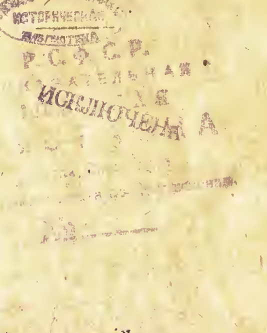
На врагов, казаки, на проклятую знать царскую, кто еще любит своего кормильца-поильца, богатыря степного. А Краснову и его приспешникам—гибель, смерть беспощадная!

Зовут вас, казаки, ваши атаманы рабоче-крестьянскую Россию громить. Составляют из вас полки и дивизии. Бросают с позиции на позицию, то обещают Царицын взять через два дня, то хвастают победами под Воронежем.

Скажите, казаки, что не нужно это трудовой бедноте донской, а что нужно ей избавиться от своих угнетателей. Сговаривайтесь с красными, на стороне которых сплошь и рядом бьются ваши же казаки за волю донскую и всенародную. Разгоняйте и обезоруживайте офицерские банды, от имени казачества чинящие над беднотой насилия. Арестовывайте своих командиров и атаманов, посылающих вас на напрасную гибель. Переходите сами вместе с оружием на сторону красных. С ними, большевиками, воскресет слава Дона-вольного, заступника народного. С ними вы рассеете, разгоните и уничтожите всю силу капиталистов международных и кровавых угнетателей бедноты, так что они на Дон и носа не посмеют сунуть, завоюете же волю всему миру и счастье всему человечеству.

Гей, подымайся, казачество степное, верховое и понизовое, заряжай винтовки, бери пику в руки. Встречай большевиков, равняй ряды с ними и поворачивай строй против атаманов, продавшихся богатеям!

На коня, казаки, за Советскую власть, казачью и рабоче-крестьянскую!



ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.
Москва, Трехпрудный пер., 9.